

УДК 87.3 (575.2) (04)

ОБЩЕСТВО: СТРУКТУРА ТРАДИЦИОННАЯ И СОВРЕМЕННАЯ

И.В. Федяй – канд. филос. наук, докторант

Traditional and modern communities are considered from the position of contrast in their structure.

В данной статье мы попытаемся показать, что общества традиционные и современные основываются на противоположных структурных принципах, а потому представлять историю как эволюционный переход первых в последние – совершенно неверно. Итак, история представлена двумя альтернативными структурными системами. Рассмотрим же их изнутри. Современная структура основывается на индивидуализме, релятивизме и плюрализме, т.е. на явлениях атомарных и рассыпающихся. Системное же существование возможно только при связанности. Поэтому главным требованием для создания современной структуры выступает требование связать, систематизировать эти явления с непеременимым сохранением их хаотического атомизма и дробности, в основу связанности положить раздробленность, в основу системности – разложение. Как же это сделать? А очень просто. Нужно его (разложение) рационализировать, т.е. отвлечь общий дух всего этого индивидуализма и дробности от частности его носителей и проявлений, и возвести его непереступаемую, общезначимую норму в норму, воспроизводящую этот атомарный хаос снова и снова, делающий его общезначимым и необходимым. При такой рационализации каждый атом-индивид связывается не с подобными себе индивидами, а подключается к нормативному, системообразующему принципу сам от себя. Общественный организм деструктурируется, и каждая человеческая единица по отдельности под-

ключается к управленческой системе, инвентаризируется (ИНН) и, таким образом, жизнедеятельность ее берется под тотальный контроль. Этим и воплощаются в жизнь рационалистические идеалы, ибо, с одной стороны – это логическое развитие демократических свобод, когда каждый “дорастает” до непосредственного диалога со всей структурой, доводя провозглашенное равноправие меньшинства до абсолюта; с другой стороны – эта система (антисистема) предстает как рукотворная и волюнтаристическая, построенная силой человеческого разума; и с третьей стороны – она не уничтожает, а рационализирует разложение и искусственную атомизацию человеческого общества, возводит их в систему. Таким образом, в современной общественной структуре люди оказываются связанными с внешним формальным нормативом (каждый) и, при этом, разобщены друг с другом (именно в структурном, правовом плане). Индивиды здесь связываются со структурообразующей нормой от себя не содержанием своей (национальной, социальной, конфессиональной и пр.), а значимостью, и не реальностью, а внешней формой абстрактной индивидуальности, одинаковой у всех и равно отчужденной от любой действительности. Поэтому, правовыми единицами выступают не реальные люди со своим реальным (социальным, национальным и пр.) содержанием, а некие абстрактные единицы. Это и есть знаменитые права индивидов, поставленные выше прав общностей, дающих реальное

содержание этим индивидам. Не случайно, не-пременным спутником модернизации предстает появление всевозможных организаций по защите этих безличных, абстрактно-индивидуальных прав. Именно этой новой структурой люди и превращаются в индивидов, т.е. абстрагируются, отрываются от всякой традиционной реальности, которой они создаются и которую в себе несут. Идеологически эта новая структура оформляется теорией естественного права. В чем же здесь дело?

Традиционное право построено на различении природы человека (общей, видовой формы человечности) от его личности (внутренней, конкретной содержательности, сущности человека). Право в традиционных системах учитывает то, что личность (внутреннюю сущность человека) образуют общественные связи, несущие определенное культурно-историческое содержание. Личность человека образуется качеством культурного ядра системы, а значит, несет в себе это качество, выражает его. Поэтому защита прав человека реального (личности) означает защиту этой культурно-типичной содержательности, которой личность и образуется. Здесь все коллективные формы находятся столько же вне индивидов, сколько и внутри их, и человек сознает себя во внутреннем слиянии, а не во внешнем договоре с ними. А значит, права, свободы и смысловые, ценностные функции принадлежат здесь этим коллективным формам (принцип соборности), а не отдельным индивидам. Индивидуальность же, в рациональном понимании, является не создающим, а разрушительным началом. Поэтому защищать права человека, отделяя их от содержания общественных связей, органических общностей (семьи, сословия, этноса), по меньшей мере странно, ибо вне их реального человека и не существует, защищать можно лишь человека абстрактного.

Современная структура на первый план выдвигает индивида, как нечто первичное и автономное. Но так как все свое содержание индивид может получить только из реальности (культурно-исторической, т.е. содержательной), а она-то как раз в качестве первичной и определяющей, отвергается, то индивид и ставится в основу системы не в личностном, содержательном статусе, а в формально-абстрактном, видо-

вом. Естественное право как раз и переносит права с личности (содержательности) на природу (общую форму) человека. Любой человек обладает от рождения всеми правами просто в силу своей принадлежности к человеческому роду. Таким образом, природа человека (т.е. всеобщая видовая форма) противопоставляется человеческой личности (конкретной содержательности, реальности человека), или человека абстрактного противопоставляют человеку реальному и защищают от него! В этом отделении абстрактно-формального, видового начала от конкретного, содержательного (связей культурно-типовых, исторически выстраданных, традиционных), борьба рационального структурного принципа против традиционного просматривается настолько ясно, что и добавить нечего. Поэтому введением естественного права, индивидуализм и нигилизм начинают прививаться уже насильно, создается правовая структура, которая должна воспроизводить это отщепенство от общенародной традиции (индивидуализм и атомизм) как нечто необходимое для всех и обязательное.

При данной правовой структуре, человек в качестве некоей формально-видовой абстракции, отделяется от системы и противопоставляется ей, т.е. некая абстрактная статическая единица противопоставляется живой, непредсказуемой личности и культурным связям (коллективным формам), эту личность образующим. И правами всеми наделяется именно эта безличная, извне программируемая химера. Начало же в человеке живое, конкретное, качественное, напротив, сдерживается и связывается, ибо образующие это начало общественные связи и культурные формы подчиняются теперь началу безличному, видовому и лишаются своих прав в его пользу. Человек формальный, химерный ставится выше системы (гуманизм), в то время как человек реальный, конкретный лишается всякого системного, смыслового значения, ибо его содержательная, сущностная основа отделяется от системных связей, делается чем-то субъективным, множественным, бессмысленным – тем, что теперь не связывает, а разъединяет людей.

Почему же права и свободы переносятся именно в природу человека? Да потому, что в природе, как общей форме, человек представ-

лен как вид. А значит, человеческая природа, как начало безлично-видовое, может выступать в качественном, отличительном моменте только по отношению к другому виду (животным или машинам), но не к самому себе. Поэтому переносом всех прав в видовое начало, все качественное, содержательное и лишается всякого смыслового, системного значения. Право становится видовым, а значит – формальным, т.е. защищающим зло также, как и добро, извращения также, как и норму, уравнивая их в качестве и сводя все различие между ними лишь к количественному (формально-юридическому) моменту. Так возникает новая правовая структура, где все качественное лишается нормативных, общезначимых функций, которые переносятся на начало количественное, формальное. Реальность хаотизируется, а новая юридическая норма является здесь ни чем иным, как отвлечением общего духа этого хаоса и разложения жизни от конкретности его частных проявлений. Этот новый формально-правовой, юридический норматив не уничтожает атомизм и нигилизм, а воспроизводит их снова и снова. Традиционная структура – это единство в многообразии, современная – однообразие в множественности.

Также неверно представлять переход от традиционного общества к современному как переход от неравенства, сословных привилегий и ограничений к правовому равенству и пр. Опять-таки, существует два различных вида равенства, различие которых определяется различием структур, в которых они представлены. Например, в традиционной структуре равенство является внутренним, содержательным. Ибо содержание (этнокультурная доминанта) здесь является общим идеалом, который составляет внутреннюю сущность личностей (им личности и образуются). Но идеалом нельзя обладать, ему можно только служить. И служит ему каждый в том социальном статусе, в котором рожден (древние традиционные системы), либо в который попадает соответственно своим способностям (новые традиционные системы). Таким образом, здесь статусное неравенство (соответственно рождению или способностям) вторично и зависимо от содержательного равенства (никто не может обладать идеалом, пред ним все равны и только служат ему в раз-

ных социальных планах). Равенство в цели, качестве, предполагает неравенство в средствах, количестве, таким образом каждая система пытается достичь равенства в том, что ею признается за главное, верховное, смысловое и допускает неравенство в том, что в ней является вторичным, зависимым.

В структуре же современной, основанной на индивидуализме, при обязательном содержательном неравенстве, ибо содержание становится частным, субъективным и, следовательно, множественным, – понятно, что приходится вводить равенство формальное, внешнее, юридическое. Всех уравнивают внешне, перед законом, подключая каждого к некоему формально-безличному (юридическому) и, в качестве такового, всеобщему нормативу. Поэтому, юридическое равенство перед законом – это не прогресс, а структурная необходимость общества современного типа, без которой оно просто не состоится, ибо систематизация на основе атомарного индивидуализма, без подчинения каждого индивида единому формальному нормативу – просто невозможна.

Отсюда и два альтернативных варианта свободы. Ибо, как зависимость содержательная, ценностная предполагает свободу сознательную, определенную этим содержанием, т.е. свободу внутреннюю, “зрячую”, так и, напротив, свобода от содержания предполагает непрременную зависимость от внешней формы. Или – все можно, только при непрременном лишении этого всего общезначимого, смыслового аспекта. Свобода может стать основой системы только при утрате ею (свободой) содержательности, когда она начинает существовать лишь в формально-отрицательном смысле, ибо, освобождаясь от внутренней организующей традиции, общество начинает требовать непрременной внешней жесткой регламентации. И данная свобода, как основа рационального типа связывания, лишь создает жесткую, внешне регламентированную систему, насильственно поддерживающую распад общества на хаотические атомы. Свобода, положенная в основу системы, становится необходимостью! Таким образом, индивидуализм, как основа современной структуры, при систематизации превращается во всеобщность, волюнтаризм – в предопределенность, психо-

логизм – в закономерность и объективность, а свобода – в необходимость!

Верховная власть в истории также представлена двумя различными структурными принципами. В традиционной структуре та высшая сила, перед которой умолкают все споры и различие интересов, представляет собой момент качественный, т.е. легитимность власти дает ее связь именно с этим верховным качественным, идеальным моментом. Власть должна представлять собой это общее содержание (этнокультурную доминанту), общий идеал и охранять его. Такая власть народна именно внутренне, содержательно, а значит, внешне может быть представлена любой формой (монархией, аристократией, демократией), это не меняет ее сути. Поэтому в традиционных системах верховная власть определяется не по форме правления, а по цели и содержанию, ибо общезначимые и смыслообразующие моменты находятся здесь именно в содержании. Власть рассматривается как внутренняя истинность (онтологическая основа), а не внешняя форма. Она должна представлять собой то самое этическое начало, которое составляет сущность личностей. Поэтому люди ощущают себя в слиянии с таковой властью, а не во внешнем договоре, которая несет народное традиционное, культурно-типичное содержание и подданный входит в нее внутренней основой своей личности, а не частичкой своей внешней формы (в виде подачи голоса). Но этот содержательный, нравственный элемент составляет не волю индивида, а ту глубинную сторону его существа (волю его идеала), которой он подчиняет свою волю. Это источник долга, для исполнения которого индивид и требует себе необходимых прав. Поэтому в таком понимании народовластия обязанности являются первичными, а права вытекают из них. Можно сказать, что это демократия содержательная, внутренняя, которая может осуществляться при любой внешней форме правления (и монархической, и аристократической). Эта власть не может быть абсолютной, она всегда определена и ограничена содержанием, которое выражает. Отделение же власти от содержания делает ее анонимной, безответной, ничем внутренне неограниченной и поэтому требует ограничения ее хотя бы

внешнего, формального, т.е. конституционного. Поэтому свобода от содержания (уничтожение онтологической природы регулярного аспекта власти) приводит к зависимости людей друг от друга (“войне всех против всех”). И преодолевается эта метафизическая смута за счет перенесения регулярного аспекта власти в момент рационально-формальный. Оставляя в неприкосновенности внутреннее разложение жизни, общий дух этого разложения отвлекают от частных его проявлений и возводят его в норму. В эту трансцендентальную норму и переносят регулярный аспект власти, его то она теперь и должна собой являть и охранять. Таким образом, легитимность власти начинает определяться ее формальностью и безличностью, эмансипацией от любых конкретных, содержательных детерминант. Такая власть будет определяться не по цели и содержанию, а по форме правления. Поэтому современными теориями политика и отделяется в особую автономную сферу со своими специальными законами, следующую не реальности, а имманентной логике движения собственных абстрактных понятий. И не только политика, все организующие и дисциплинирующие, исторически выработанные культурные связи отслаиваются от этой разложившейся, раздробленной реальности и образуют собственное автономное пространство, следуя уже не содержанию жизни, а отвлеченной логике собственных абстрактных понятий. Этот процесс получил в истории название секуляризации, в результате которой защитные функции и системные связи организма (политические, правовые и пр.) эмансипируются от его же культурного содержания и противопоставляются ему. При чем, отслоившись от реальности и став формально безличными (юридическими), эти связи и формы становятся безразличными не только к традиционному культурному содержанию, но и к содержанию моральному. Они становятся враждебны ко всему качественному, независимо идет ли речь об исторической традиции или о вопиющей моральной норме. Например, государство при переносе трансцендентальных функций в формально-юридический аспект перестает нуждаться во внутреннем национальном согласии, оно, в качестве политической системы отделяется от обще-

ства и превращается в гегемонию юридическую. Так, государства из орудий защиты культурно-исторических типов превращаются в орудия их уничтожения. Освобождаясь от содержательной тяжести, связи делаются формально-абстрактными, а значит, способными неограниченно расширяться, пересекать любые культурные и политические границы, соотносясь теперь только с логикой движения таких же формально-абстрактных денег. Таким образом, гегемония содержательная, культурно-типовая заменяется гегемонией формальной, абстрактно-понятийной – юридической в идеале, денежной в действительности. В культурных формах и связях целенаправленно уничтожается именно содержательная тяжесть, дающая глубину смыслов и корней понятиям, и искусственно создается невозможность помещения их в систему координат, привязанную к каким-либо абсолютным ценностям. Данное “освобождение” означает лишь освобождение от корней и подвижность в любых направлениях, для чего необходимым становится также создание единого правового пространства, т.е. растворение границ политических, экономических, культурно-типовых в едином, “общечеловеческом” глобальном мировом порядке.

Данная общественная структура основывается на “индивидуности”, взятой чисто формально, вне своей содержательной – социальной, религиозной, национальной и пр. – реальности. Все коллективные формы жизни можно понять уже как внешний, механический результат этой основополагающей “индивидуности”. Поэтому индивид сознает себя находящимся в договоре, а не в слиянии с ними. Во все коллективное он входит внешней формой своей индивидуности, а не внутренней основой своей личности. Поэтому права и смысл принадлежат именно индивидам, а не общественным связям и коллективным формам жизни. Именно индивидуность является здесь продуктивным и созидющим началом. Это формально-безличное, всеобщее начало и противопоставляется всей живой системе. Демократия является верховной властью не определенного культурно-исторического, народного содержания, а отвлеченно-рациональной формы индивидуализма. Понятно, что при этом каж-

дый индивид хотя и входит в верховную власть, но вовсе не отождествляется с ней. Он составляет лишь частичку этой всеобщей видовой формы (природы человека), т.е. входит в нее с количественной, формальной стороны. Его естественное право не сливается с государством и остается для него выше государства. Источник прав индивид имеет в себе самом, но частичку их уступает в пользу государства для обеспечения остальных прав. Во всем объеме этой уступки он и принимает на себя обязанности по отношению к государству. Обязанности в данном случае являются производными от прав. Отсюда все эти бесконечные разговоры о правах и свободах в данном виде демократии. Индивид входит в верховную власть в качестве ничтожной частички, тогда как вся остальная совокупность и власти, и общества остается посторонней для него, тем, чему он должен подчиняться, хотя бы и против воли.

Таким образом, получаются два совершенно противоположных типа одного и того же народовластия, при чем, противоположных во внутреннем, структурном плане. Поэтому путь от традиционного общества к современному лежит через полное разрушение традиционной структуры, а не через ее эволюцию. Для данного перехода необходимо возвратиться к той исторической развилке, когда от хаоса к системности человечество пошло по альтернативе культурно-типового, содержательного существования, признав высшим организующим началом силу качественную, идеальную, – и пойти иным путем. Поэтому все политические теории современного структурного плана за исходный момент и принимают возврат к той развилке, т.е. хаотизированное, атомизированное состояние с “войной всех против всех” и оттуда уже предлагают концептуально иной путь к иному системному существованию. Инаковость эта заключается в придании индивидуализму, нигилизму и волюнтаризму морального, смыслового статуса и построение системности с обязательным сохранением данных измов в качестве высшей ценности. Примером чего и являются все политические и социальные доктрины Нового времени.

Уникальность западной цивилизации состоит в том, что здесь впервые в мировой ис-

тории была создана принципиально новая структура, основанная на противоположном традиционному типу связей (экономических, политических, этических и пр.), которая, естественно, и противопоставила себя всем традиционным системам. Именно с этого момента и становится возможным “западничество” в качестве всеобщего образца, ибо Запад, с этих пор, предлагает культурным системам не иное содержательное начало (религиозное, национальное и пр.), а иную структуру, к которой могут переходить все мировые системы, не меняя при этом своего содержания, ибо содержание тут вообще становится не важным. Теперь Запад представляет собой уже не своеобразный культурно-исторический тип, среди прочих типов, как полагал Н.Я. Данилевский, а уникальную возможность вообще вне культурно-исторического существования, существования в ином структурном плане. Поэтому западная агрессия и становится отныне принципиально новым видом агрессии, не существовавшим в истории ранее, когда агрессия какой-либо системы являлась как агрессия либо просто внешняя, направленная на ограбление, либо содержательная, навязывающая свои ценности, пытающаяся распространить свое содержание. Но таковая содержательная агрессия всегда ограничена и типом своих связей (содержательные связи всегда вертикальны и пространственно прерывны), и просто невозможностью единообразного содержания для различных ландшафтных и этнических регионов. Любая содержательная агрессия всегда оказывалась внутренне ограниченной рамками своего же структурного принципа. Новый же вид агрессии – это агрессия как раз-таки структурная, которая поэтому не может иметь никаких реальных (природных, этнических, культурных и пр.) ограничений. Структурный принцип не зависит ни от каких содержательных составляющих, а Запад навязывает имен-

но свою структуру. А значит, впервые становится возможным всемирное единообразие, неограниченное больше никакими реальными содержательными составляющими – т.е. глобализация. И еще. Этот новый вид агрессии является необходимой составляющей современной структуры, заложен в нее изнутри, ибо данная структура основывается на горизонтальном, пространственно непрерывном типе связей и существовать может только как повсеместная, не терпящая никаких пространственных ограничений, мирно сосуществовать с традиционными системами современная система принципиально не в состоянии. Этот структурный вид агрессии, ведущий к структурной перестройке различных культурных систем по единому образцу, мы и называем модернизацией неорганической.

Таким образом, современная модернизация – это не промышленный подъем или технический расцвет – все это может происходить и внутри отдельной культурно-исторической системы, на ее собственной содержательной основе, без изменения ее внутренней структуры. Модернизация – это именно перестройка традиционной, содержательной структуры на противоположную – формальную; перемена вертикального, пространственно прерывного, несущего определенную содержательную нагрузку, типа связей на горизонтальный, пространственно непрерывный, отвлеченный от любой содержательной (физической, либо духовной) составляющей, тип. Это интеграция социальных, правовых, экономических, политических, и прочих связей в единую мировую систему, вернее, антисистему. Таким образом, переход от традиционного общества к современному – это не прогрессивное усовершенствование культурно-типовых систем, а перестройка их структур по единому антисистемному принципу.